

Коалиция хедж-фондов, отчаянно нуждающаяся в падении бата, владеет лишь небольшой частью фьючерсного рынка, потому что, очевидно, они не могли быть уверены в своей победе. Если бы коалиция была абсолютно уверена в своей победе, нет никаких сомнений в том, что они бы значительно увеличили свою долю на фьючерсном рынке, где они могли бы получить прибыль в десятки и сотни раз больше, чем их вложения. Фьючерсный рынок предназначен для рассеивания рисков на спотовом рынке.

[П/П: Фьючерсная биржа или фьючерсный рынок — это центральная финансовая биржа, на которой люди могут торговать стандартизированными фьючерсными контрактами, определенными биржей.]

Фьючерсные контракты — это производные контракты на покупку или продажу определенных количеств товара или финансового инструмента по определенной цене с поставкой в указанное время в будущем.

Спотовый рынок или рынок наличных денег — это публичный финансовый рынок, на котором финансовые инструменты или товары торгуются с немедленной доставкой. Он отличается от фьючерсного рынка, на котором поставка должна быть произведена позднее.]

Основным этапом коалиции хедж-фондов в конце концов стал спотовый рынок в войне с батом, а фьючерсный рынок использовался только для управления рисками, как одна из многих стратегий.

Неужели они не верили в себя? Конечно, нет. Это потому, что хедж-фонды управляют миллиардами долларов, и деньги поступают от небольшого числа супербогачей. Использование пятидесятикратного кредитного плеча означает пятидесятикратный риск, и ни один фонд не станет рисковать миллиардными оборотами. Такой фонд — это группа мошенников, и никто не будет винить их за то, что их бросили в бездонную яму.

Однако именно этим мы и занимались сейчас.

Одному Богу известно, какой будет рыночная цена завтра. Никто никогда не совершал транзакцию на 10 миллиардов долларов с пятидесятикратным риском, и, конечно же, ни одна такая ставка никогда не выигрывала!

Наша огромная прибыль была проблемой, поскольку она могла войти в историю, которую можно использовать как оправдание для замораживания тайского фьючерсного рынка. Это происходит потому, что рынок бата был небольшим и ограниченным.

С: Джонатан?

Фьючерсный рынок был игрой с нулевой суммой, так как кто-то должен проиграть, когда кто-то побеждает. Это также означало, что оппозиция должна была принять транзакции, чтобы произошли убытки и прибыль. Джонатан не мог ответить, так как чувствовал, что десяти его копий будет недостаточно.

Он не смыкал глаз, боясь пропустить момент, чтобы монополизировать позицию в 10 миллиардов долларов, чтобы ликвидировать их. Он был настолько занят, что даже не мог воспользоваться туалетом

Сайт с информацией о валютном обмене снова перезапустился после того, как был заморожен на некоторое время.

— Мм?

Обменный курс Сингапура рос, и график, измеренный тиками, уже стал крутым. Ситуация была отличной от той истории, что он знал. Хотя изначально курс падал без какой-либо отдачи, после повторения взлетов и падений в конце тренд продолжал расти.

Спотовый рынок и фьючерсный рынок развивались в противоположных направлениях — 29 батов, 29,5 батов, 30 батов. Бат резко вырос! Мы получили бы прибыль только тогда, когда упал бат.

Дж: Настроение рынка изменилось из-за нашей массовой ликвидации. Я в этом уверен.

Срочное предложение появилось в окне чата.

С: Я не буду тебя трогать. Пожалуйста, сосредоточься.

Чат долгое время стоял. Смысл того, что мы внезапно организуем наши позиции, означает «не ожидается, что бат упадет, он перейдет в резкое повышение». Это правда, что наша массовая ликвидация меняла настроение рынка, но это не было такой проблемой.

Применение в Таиланде плавающего обменного курса означает, что они отказались от защиты валюты бата, и хотя никто не знал, как долго это продлится, я готов поспорить на свою жизнь, что бат упадет. Это было очевидно для любого, кто хоть немного разбирался в финансах. Наши работники были мировой элитой, профессиональными успешными и известными инвесторами. Их глаза будут жаждать денег, которые они теряли на глазах.

И случилось так, как я и ожидал, повышение снова сменилось падением бата. Бат резко поднялся до 33, но теперь упал до 30. Однако скорость изменения рынка была сумасшедшей, так как не потребовалось и пяти минут, чтобы бат упал до 30 после того, как снова поднялся до 31. Я чувствовал внимание инвесторов. Весь мир собрался здесь, и я даже не мог предположить, сколько денег сейчас переходило из рук в руки.

Дж: Ликвидация завершена на 80% и рекомендуется удерживать оставшиеся 20% до истечения срока действия.

Я знал, почему Джонатан хотел отложить последние 20%. Полностью ликвидировать нашу позицию, когда все были абсолютно уверены, что бат упадет, было идиотизмом.

С: Я понимаю, что ты имеешь в виду, но действуй согласно договоренности.

Деньги, которые мы зарабатывали, были из их карманов. Нам нужно было дать инвесторам возможность наверстать часть своих потерь, чтобы история не расходилась слишком сильно и поле битвы изменилось.

Дж: Бат стабилизировался на 30, и риски уменьшились.

С: Нет, Джонатан, битва окончена, остался только пир для гиен. Немедленно ликвидируй все позиции и на выходных приезжай в Корею. Скоро поле битвы изменится.

Несмотря на это, я знал, что Джонатан не дожидается выходных. Как и во вторую неделю мая, он пришел на следующий день после подтверждения нашей прибыли. Я также сразу поехал в аэропорт Кимпхо сразу после окончания уроков.

«Тайский бат упал до рекордно низкого уровня из-за того, что Центральный банк вчера объявил о применении системы плавающего обменного курса, курс бата был переведен на 30,40 батов за доллар. Из-за падения бата повсюду в Юго-Восточной Азии ощущается кризис...»

Вчерашние новости транслировались по установленному в аэропорту телевидению. История кардинально изменилась. Первоначально она составляла 28,40 батов за доллар после падения на 16%, разница в 2 бата была огромной. Разница в 0,1% в обменных курсах и процентных ставках была выше, чем небо и земля в финансовом мире. Была добавлена еще одна причина, по которой мы не должны снова иметь дело с Таиландом.

— Сон...

Джонатан подошел ко мне в еще худшем состоянии, чем во второй неделе мая. Он выглядел так, будто участвовал в бесконечных битвах, в которых поставил на кон свою жизнь, и теперь выглядел на десять лет старше его возраста.

Когда мы вместе покоряли подземелья, он был старым зверем, в котором оставалась только злоба. Он никогда не колебался между надеждой и страхом, а только набирал очки, которые позволили бы ему открыть ящик. Поэтому Джонатан был человеком, который готовился к

завтрашнему дню, даже когда он получил большую прибыль, вместо того чтобы наслаждаться немедленной радостью.

Я никогда раньше не видел его таким уставшим.

— ...

— ...

Мы начали молча пялиться друг на друга, я сделал шаг первым. Ресторан, в котором мы провели нашу первую встречу, все еще оставался непопулярным, как и тогда, шаги Джонатана казались тяжелыми, когда мы направились туда.

Причина, по которой мы не могли легко подобрать слова, была очевидна, потому что у нас не было слов, чтобы описать то, что с нами происходило.

Джонатан сидел напротив меня, и, поскольку обе его руки явно дрожали, я посмотрел на них. Однако Джонатан был не единственным, кто делал это, так как вода в чашке, которую я держал, залилась рябью. Я залпом выпил воду и поставил чашку.

Звук, издаваемый чашкой при соприкосновении со столом, служил знаком, и Джонатан начал раскладывать документы на поверхность стола. Это были прошлые транзакции и окончательная прибыль на наших счетах. Сами записи о транзакциях составили бы толстую книгу.

Только тогда я увидел, что ногти Джонатана были испорчены, а его указательные пальцы, которые должны были нажимать на кнопки, были в еще худшем состоянии.

— В процессе... ликвидации... оценочная прибыль... уменьшилась.

Голос Джонатана дрожал, когда он говорил, и теперь он стиснул зубы, чтобы взять себя в руки. Джонатан выглядел так, будто ждал, пока не успокоится. Мои внутренности тоже дрожали, пока Джонатан своими словами не подтвердил сумму ликвидации.

— Это было неизбежно.

Мое сердце сходило с ума, когда оно вырвалось из моей кожи.

— Окончательная ликвидационная сумма... 50 миллиардов долларов!

Ха! Пока я гадал, у меня перехватило дыхание, когда Джонатан подтвердил эту сумму. Мы

сорвали джекпот, и это было совсем другое ощущение, чем когда мне посчастливилось открыть коробку.

Вчера я испытал блаженство, а что тогда означало это чувство? Эмоции, переполнявшие мое тело в тот момент, были похожи на те, когда я в одиночестве встретил босса-монстра. Я не мог ни о чем думать, потому что все мое тело дрожало. Да, но...

Пробужденным нужно было иметь возможность объективно наблюдать за своими эмоциями и состоянием своего тела. Вы можете умереть в подземелье, будучи не в состоянии контролировать свои эмоции, особенно если ваши эмоции имеют внешний источник.

Тогда что это за чувство охватило меня сейчас? Страх или радость? Почему мое тело тряслось? Если подумать, разве потенциальные способности S-класса не были более ценными, чем 50 миллиардов долларов? Тогда я не был так потрясен.

Да, вот и все. Хотя Джонатан не мог знать, 50 миллиардов долларов означали только начало. Я использовал только две возможности из многих, которые были передо мной. Знание завтрашнего дня было невероятным. Люди говорили правильно, что знать, что будет завтра — значит быть Богом.

Лучшее, что могло выпасть из Шкатулки испытания, которая была величайшей из всех шкатулок, — это возможность отправиться в прошлое. Он был на грани того, чтобы стать Богом! Так что эта дрожь была бы величайшей радостью, которую я мог бы испытать, и я наконец почувствовал, что значит вернуться во времени.

— С тобой все в порядке? — спросил меня Джонатан, и я кивнул в ответ.

— 50 миллиардов долларов, — Джонатан пробормотал, когда он понял.

— Джонатан, мы должны прийти в себя и начать работать. Азиатский финансовый кризис только начинается.

— Ох...

— Следи за своим здоровьем. Мы не войдем в Малайзию и Индонезию.

Джонатан смотрел на меня понимающими глазами, когда я рассказывал о своих планах на будущее. Он не спрашивал, почему мы не выйдем на эти два рынка. Это может означать, что он полностью доверял мне сейчас или понимал, что валютные рынки этих двух стран недостаточно велики для нашего вмешательства. Мы стали слишком большими.

— Мы скоро войдем в Гонконг.

Я знал, что Джонатан был уверен на валютном рынке Гонконга, и его глаза заблестели другим возбуждением, чем раньше.

— У меня есть кое-что, что мне нужно у тебя попросить.

— Что угодно, — Джонатан говорил с такой верностью, что казалось, если его попросить, он бы вырвал сердце.

— Мне нужно купить землю в Корее.

<http://tl.rulate.ru/book/21075/2000330>